

Анатолий ШАХОВ

КИНЕМАТОГРАФ В ХЕДИВСКОМ ЕГИПТЕ (1896–1914)

На рубеже XIX–XX вв. Египет представлял собой вассально зависимую от Великобритании страну, хотя юридически считался составной частью Османской империи. Реальная власть в стране принадлежала не хедиву, а «генеральному консулу» Лондона, который, следуя инструкциям Вестминстера, опирался на силы дислоцированной в стране британской оккупационной армии, а также коллаборационистские местные феодальные круги и посредническую компрадорскую буржуазию. Совместно с другими западными державами Англия превращала Египет в источник дешевого сырья и рынок сбыта собственных товаров фабричного производства, получая одновременно большие дивиденды от эксплуатации зоны Суэцкого канала. Развитие капиталистического сектора экономики колониальные чиновники допускали в тех отраслях, которые отвечали интересам и запросам иностранных монополий. Засилье иноземного капитала, влиявшего на экономическую и политическую ситуацию в Египте, замедляло рост национального самосознания. В то же самое время оно стимулировало у египтян чувство собственной неполноценности, препятствовало процессу консолидации антиколониальных патриотических сил, осознававших настоятельную необходимость решительной модернизации общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни страны.

Вместе с тем ускорившееся распространение в конце XIX в. акционерного предпринимательства способствовало укреплению торгово-производственного сектора капиталистического типа, что, в свою очередь, вело к увеличению численности социальной группы нарождавшейся национальной буржуазии и усилению ее влияния в египетском обществе. Ради упрочения своих позиций она охотно перенимала доступные ей формы хозяйственной и культурной деятельности, сформировавшиеся к тому времени в промышленно развитых государствах капиталистического Запада. На исходе XIX столетия в стране функционировали телеграфная и телефонная связь, строились железные дороги, развивалось пароходство, быстро увеличивались тиражи газет и журналов, издававшихся на арабском языке.

В сфере духовной и культурной жизни также наметились эволюционные перемены. Реформация ислама, связанная с именами авторитетных богословов Джамаль ад-Дина аль-Афгани и Мухаммеда Абдо, логично вписывалась в контекст обозначившегося во второй половине XIX века общекультурного возрождения—ан-Нахды. Процессы обновления наблюдались и в области национальной литературы, где возникали и получали развитие новые темы и жанровые формы. Что касается театрального искусства, то наряду с адаптацией пьес европейских писателей египтянами предпринимались попытки создания собственных, оригинальных драматургических произведений—как на исторические темы, так и посвященных актуальным общественным событиям и явлениям национальной действительности.

В ряду знаменательных достижений западной научно-технической мысли было изобретение кинематографа. В Египте о нем впервые узнали из опубликованной 23 апреля 1896 г. на первой полосе газеты «Аль-Ахрам» статьи под таинственным для того времени названием—«Синематограф, или движущееся изображение». В ней отмечалось, что «движущееся изображение—одно из наиболее удивительных и превосходных изобретений современности. Изумительные и необыкновенные виды, созданные при помощи техники. Изображение способно передавать любые образы и картины—будь то отдельные предметы или люди. Последние при этом предстают перед взором реально, в движении, в различных местах и ситуациях... Можно увидеть разнообразные виды природы, великолепные чудеса промышленности, наблюдать человека сидящего, а затем одевающегося, занятого едой, пьющего, бегущего, играющего, сменяющегося...»¹

Спустя полгода издававшаяся в Александрии на французском языке газета «Ла Реформ» 4 ноября 1896 г. известила читателей о том, что в главном портовом городе Египта заканчивается подготовка к организации сеанса «движущихся картинок». А вечером следующего дня, 5 ноября, в одном из помещений хлопковой биржи Тусун-паша состоялась их премьерная демонстрация. Выбор места для проведения дебютного публичного кинопоказа оказался не случайным. Здание биржи, располагавшееся на оживленной улице Баб аль-хадид, состояло из нескольких этажей, и в нем имелся ряд отличавшихся по своим размерам залов, использовавшихся иностранными землячествами Александрии для проведения в них танцевальных вечеров и разного рода торжественных мероприятий.

6 ноября газета «Ла Реформ» поместила дополнительную информацию—уже рекламно-просветительского характера. В ней сообщалось: привезенный из Европы аппарат братьев Люмьер представляет собой нечто вроде «волшебного фонаря», но большого размера, находящимся внутри особым механизмом, вращающим рулон целлулоидной пленки, содержащей моментальные фотографические снимки. В конце статьи авторы настойчиво призывали своих читателей познакомиться с сенсационным «последним достижением человеческого гения», обещая при этом приятное и незабываемое времяпровождение на полчасовых киносеансах, организуемых ежедневно с 5 до 11 часов вечера.

Первым посетителям демонстрационного зала в александрийской бирже были предложены довольно разнообразные по тематике информационно-хроникальные кинозарисовки: «Борцы», «Жители Мадагаскара», «Танец “Канкан”», «Польский лес», «Кузнецы», «Выход рабочих с завода», «Весна в Париже», «Боксеры», «Ловля креветок», «Площадь Оперы в Париже», «Море в Гавре». Громкий успех необычного вида зрелища привлек внимание городских властей, и 14 ноября в сопровождении официальных лиц «кинематографическое представление» удостоил личным посещением губернатор Александрии. Просмотрев изумившие собравшихся «живые фотографии», он расспросил владельцев аттракциона о механизмах и принципах функционирования проекционной аппаратуры. Весьма примечательный факт: по распоряжению муниципальных властей, во второй половине ноября в просмотрном зале биржи Тусун-паша вместе с преподавателями побывали учащиеся городских школ и лицеев, где по-

лучили ценную и полезную в познавательном отношении информацию, связанную с техническими аспектами показа «движущихся фотографий».

В Каире дебютный киносеанс состоялся 28 ноября 1896 г. в квартале Аль-Азбакийя, в зале «Хамам Шнайдер». На приглашение приехавшего из Александрии агента братьев Люмьер Анри Делло Строголо увидеть «чудо-изобретение» откликнулись губернатор столичной провинции, высокопоставленные чиновники, также на просмотр пришли деятели науки и искусства, журналисты и писатели. Как и в Александрии, каирская пресса отреагировала на «живые картинки» в основном одобрительно, напечатав хвалебные, а временами и восторженные отзывы. Например, влиятельная каирская газета «Аль-Мукаттам» 1 декабря опубликовала большую статью, где говорилось, что присутствовавшие в кинозале, «увидев движущиеся изображения, испытали восхищение и даже вообразили, будто перед ними предстали некие привидения и призраки, у которых нет только голоса»². Сеанс завершился аплодисментами всех собравшихся, после чего губернатор Каира порекомендовал владельцу аттракциона Анри Делло Строголо устраивать специальные кинопросмотры отдельно и для женщин. Высказанное пожелание было принято, и днем с 4 до 6 часов вечера зал «Хамам Шнайдер» продавал входные билеты исключительно для женской аудитории, а с 6 до 11 — для мужской. Популярный журнал «Аль-Хилаль» в номере от 16 декабря, в разделе «Хроника», отметил: «Французская компания, чья резиденция находится неподалеку от здания Египетского телеграфа, демонстрирует фотографии, которые зрителям кажутся наполненными живым движением. Люди сбегаются на их просмотр»³. Газета «Миср» в тот же день написала: «движущиеся изображения» производят очень сильное и глубокое впечатление, и при этом они «радуют сердце и чаруют разум»⁴. Вместе с тем в периодической печати встречались и иные высказывания, отражавшие противоположную точку зрения. Как свидетельствует авторитетный каирский журнал «Аль-Кавакиб», новый вид зрелища оценивался в тот период частью египтян не иначе, как «волшебные игры Запада» и даже «злонамеренные проделки дьявола»⁵.

Владелец люмьеровского патента Делло Строголо оказался человеком инициативным и предприимчивым и быстро смог получить лицензию на открытие в Александрии первого в Египте «кинематографического театра». Под «Синематограф Люмьер», оснащенный доставленной из Европы киноаппаратурой, власти выделили место в центральной части города, на улице Мухаррам-бек, между биржей Тусун-паша и театром Аль-Хамбра. Его открытие состоялось 30 января 1897 года. Премьерную программу составили западноевропейские короткометражные киноленты: «Площадь кафедрального собора в Турине», «Шествие берсальеров», «Деревенский праздник», «Отъезд на автомашине», «Группа игроков в карты», «Любовная записка», «Путешественник и воры». Любопытно следующее. Среди демонстрировавшихся «живых фотографий» особым успехом пользовались «экзотические» хроникальные сюжеты о торжественной коронации в Москве русского царя Николая II и его посещения столицы Франции. Удовлетворяя просьбы зрителей, администрация кинотеатра неоднократно принимала решение показывать их на бис. Как и раньше, в дневное время «Синематограф Люмьер» устраивал специальные отдельные просмотры — для женщин-европеек и мусульманок.

Важным событием кинематографической жизни явился приезд в Египет в марте 1897 г. сотрудника братьев Люмьер оператора Промио. В сопровождении Делло Строголо он совершил довольно продолжительную поездку по стране и отснял тридцать пять хроникальных эпизодов. В их числе—«Семья итальянского консула посещает “кинематограф” в Александрии», «Поездка к пирамидам», «Площадь Мухаммеда Али», «Хедив и его эскорт», «Процессия махмала (паланкина с покрывалом и другими дарами для Каабы)», «Бедуины на верблюдах», «Похоронная процессия», «Площадь Цитадели», «Площадь Оперы», «Мост Каср ан-Нил», «Площадь Сулейман-паши», «Улица Ас-Сейиди Зайнаб», «Нильские плотины», «Деревня Саккара», «Пирамиды», «Спуск с Большой пирамиды», «Отъезд из Банхи», «Отъезд из Каира», «Панорамы берегов Нила». В мае-июне 1897 г. документальные кинозарисовки, сделанные на территории Египта и с энтузиазмом воспринятые местной зрительской аудиторией, на протяжении многих дней демонстрировались в кинотеатре «Кинематограф Люмьер».

На начальном этапе «кинематограф» получила наибольшее распространение не в столице, а в Александрии, где проживала довольно многочисленная и влиятельная колония европейцев, которые активно приветствовали и поддерживали идеи об увеличении импорта иностранных кинофильмов, поступающих тогда в основном из Франции и Италии. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что в главном портовом городе Египта «индустрия развлечения» на рубеже XIX–XX вв. была несравненно богаче и разнообразнее, чем в Каире. Здесь находились многочисленные кафе, мюзик-холлы, дансинги и другие увеселительные заведения. За умеренную плату публика получала возможность увидеть «ошеломляющие» кинопрограммы, состоявшие из нескольких роликов продолжительностью по 2–3 минуты. Фильмокопии эксплуатировались их хозяевами до полного материального износа.

Между тем кинопрокатчики-иностранцы вскоре столкнулись с проблемами—после первых, казалось бы, обнадеживающих успехов «живых фотографий» интерес к ним со стороны зрительской аудитории постепенно стал снижаться. Однотипная зарубежная кинохроника, скучно и примитивно передававшая жизнь других стран и народов, прежнего ажиотажа у публики уже не вызывала. Попытки изменить неблагоприятную складывавшуюся конъюнктуру к лучшему, даже за счет уменьшения стоимости входных билетов, к желаемому результату не приводили, и «Кинематограф Люмьер», обязанный перечислять во Францию 50% кассовой выручки от показа импортированных в Египет кинофильмов, свою деятельность прекратил.

В начале 1900-х гг. в Египте, как и в Европе, кинематографическое зрелище, утратив былую привлекательность и новизну, переместилось в общественные сады и парки. Местная пресса информацию о нем давала крайне редко. Еще одним спасительным оазисом для кино послужили помещения городских театров и мюзик-холлов. Однако в них хроникальные ленты предпочитали показывать лишь в качестве приложения к театральным спектаклям и эстрадным представлениям.

Упоминания об этом содержат египетские периодические издания того времени. Газета «Ла Реформ» 10 января 1900 г. сообщала, что в александрийском театре Аль-Хамбра пройдет концерт гастролировавшей в стране известной английской певицы Лиз Дублин, после чего вниманию публики будут

предложены разнообразные кинематографические сюжеты. Газета «Аль-Ахрам», редакция которой в ноябре 1899 г. переехала из Александрии в Каир, в номере от 22 ноября 1901 г. писала: «Сегодня вечером в Египетском театре (Ат-Тиатру аль-мисрий) будут идти кинофильмы—вслед за песенными, танцевальными, гимнастическими и комическими номерами»⁶. Та же «Аль-Ахрам» 2 декабря 1901 г. поместила анонс о развлекательном мероприятии в Египетском театре в Каире с забавной инсценировкой о короле джиннов и демонов, программой «движущихся фотографий» и танцами под оркестр. «Живые фотографические картинки» систематически демонстрировались и после окончания спектаклей популярной каирской театральной труппы Искандера Фараха «Аль-Джук аль-мисрий», в которой выступал выдающийся египетский певец, музыкант и актер шейх Салама Хигази.

Примерно через десять лет после первых показов «движущихся фотографий» в Египте в кинопредпринимательской сфере произошла «смена лидеров». На передний план выдвинулась компания основоположника французской киноиндустрии Шарля Пате. Обладая значительными финансово-организационными возможностями и имея в распоряжении богатую коллекцию разнообразных фильмов, он начал экспортировать на египетский рынок не только короткометражные хроникально-документальные, но и постановочные кинокартины. При этом некоторые из них демонстрировались на экране уже не в черно-белом, а в цветном изображении.

Как и во многих других странах мира, в Египте в репертуаре просмотровых залов во второй половине 1900-х годов произошли серьезные качественные изменения. В нем ощутимо возрос удельный вес игровых короткометражных фильмов и фарсов, заключавших в себе законченное сюжетное повествование, рассказывавших какую-либо увлекательную житейскую историю. Интерес к экранному зрелищу снова заметно оживился, и это способствовало росту посещаемости кинотеатров.

С целью привлечь к кинематографу максимальное число зрителей отдельные кинопрокатчики, по примеру пришедшей на египетский рынок еще одной французской кинокомпании—«Гомон»,—попытались преодолеть немоту экранного повествования, включая во время сеанса установленные возле киноэкрана граммофонные пластинки. Однако из-за проблем технического порядка добиться синхронности изображения и закадрового звука в то время было крайне сложно, и от этого приема владельцам фильмокопий в итоге пришлось отказаться.

Со второй половины 1900-х гг. наряду с французами заметную активность в сфере киноторговли и показа фильмов в Египте начали проявлять итальянцы. В 1906 г. в Александрии они оборудовали большой и комфортабельный кинозал «Синематограф Ирбанура», имевший несколько вентиляторов для проветривания воздуха и удобные кресла, и тоже приступили к прокату кинолент западноевропейского производства. Чтобы придать своему детищу дополнительную респектабельность, теперь, в отличие от недавнего прошлого, владельцы кинотеатра организовывали в качестве приложения к экранному зрелищу выступления артистов-кукольников, музыкальных оркестров и исполнявших итальянские песни певцов в антрактах между длившимися 20–30 минут драматическими, комедийными и фантастическими фильмами.

Для иностранного кинокапитала Египет с самого начала представлял интерес не только как рынок сбыта экранной продукции, но и как благодатное место для съемок бесценных памятников истории и культуры, величественные виды и панорамы которых можно было бы с успехом показывать в прокатной сети многих стран мира. В ноябре 1906 г. в «страну пирамид» прибыл сотрудничавший с братьями Люмьер известный кинооператор Феликс Месгиш. По сравнению со своим предшественником Промио, он имел более совершенную киноаппаратуру, много метров пленки, да и программа его пребывания оказалась гораздо богаче и насыщеннее. Помимо документальных фрагментов из жизни современного Египта—проезда конного эскорта и кареты хедива и его свиты по улицам Каира, квартала мусульманского богословского университета «Аль-Азхар», египтян и египтянок в национальных одеждах, египетских политических деятелей—Месгиш отснял многочисленные мечети и минареты, надгробия султанов и мамлюков, построенную при Салах ад-Дине Цитадель. А чтобы убедительнее доказать зрителям-иностранцам справедливую истину о том, что нигде так быстро не падаешь в глубь времен, как в Египте, кинематографист запечатлел пирамиды в Гизе, Сфинкса, храмы в Луксоре и Карнаке, Долину царей, на границе с Суданом—храм Абу-Симбел, а также множество античных достопримечательностей греко-римского периода.

В конце 1900-х гг., несмотря на слабость техники пожарной безопасности и происходившие в кинозалах возгорания, рыночная конъюнктура кинематографа все-таки изменилась в лучшую сторону и «география» киносеансов существенно расширилась. Зарубежные фильмы стали демонстрировать не только в Александрии и Каире, но и в Порт-Саиде и Мансуре. Одновременно происходило обогащение жанрово-тематической палитры экранного репертуара. Наряду с постановочными в возраставших количествах показывались новые по содержанию видовые документальные и научно-популярные киноленты, например, «Зимние виды спорта в Швейцарии», «Путешествие по Новой Зеландии», «Рабочие слоны Индии», «Соревнования по преодолению препятствий», «Море при лунном свете». Неординарный интерес у зрительской аудитории, по свидетельству газеты «Аль-Ахрам» от 3 апреля 1907 г., вызвали японские документально-пропагандистские фильмы о многомесячной осаде Порт-Артура и об обстановке, сложившейся в Японии после окончания войны 1904–1905 гг. с Россией.

Рассматривая ранний период истории кино в Египте, уместно сказать о следующем факте. В июне 1907 г. хедив Аббас II Хильми посетил Александрию для ознакомления с подготовкой специалистов и процессом обучения в престижном Высшем институте при мечети Сейиди Абу аль-Аббас. Впервые фрагменты данной поездки были отсняты на кинопленку постоянно проживавшим в Египте оператором-итальянцем Альвизи Орфанелли, сделавшим это по поручению своих земляков, известных александрийских фотографов и предпринимателей,—Азиза и Дореса. Спустя месяц, вечером 20 июля, в принадлежавшем им кинотеатре «Синематограф Азиз и Дорес» они публично продемонстрировали хроникальные съемки пребывания хедива в Александрии. Как полагает известный современный египетский кинокритик доктор Али Абу Шади, этот день «можно считать точкой отсчета в истории кино-

производства в Египте, поскольку данный фильм был произведен египетской компанией, на египетские деньги и реализован в Египте»⁷. В августе того же года Азиз и Дорес побывали в другом александрийском учебном заведении и сняли короткометражный видовой хроникальный фильм «Спортивный праздник в Школе Аль-Фарир», которая в те времена в разговорном обиходе александрийцев чаще фигурировала как «Школа Сант-Катрин».

Между тем захвативший доминирующие позиции в кинопрокатной сфере француз Лагарен, агент компании «Братья Пате» на Ближнем Востоке, действовал в соответствии с правилами своего парижского патрона. Поступавшие из-за границы киноленты он распределял среди владельцев просмотровых залов, предварительно сообщая через местную прессу об отличном качестве и поразительных достоинствах полученных им очередных фильмокопий. Так, 13 августа 1907 г. александрийская газета «Ла Реформ» писала, что к Лагарену поступило множество увлекательных кинокартин, и владельцы всех без исключения синематографов имеют возможность в любой день прийти за ними в его представительство и подобрать соответствующие их вкусам и интересам фильмы. В номере от 26 ноября она же поместила такой анонс: «...фильм “Али-Баба и сорок разбойников”, одна из сказок “Тысячи и одной ночи”, — полностью цветной, продолжается 30 минут и принадлежит к числу самых значительных произведений, созданных компанией “Пате”»⁸.

Тем не менее, несмотря на рост количества просмотровых залов, по мнению иностранцев, их посещаемость оставалась на низком уровне. Проблема заключалась в том, что среди арабов мало кто владел европейскими языками, а показывавшиеся киноленты субтитрировались на языках стран-производителей. Для расширения контингента зрительской аудитории за счет коренных жителей Египта при каждом кинотеатре стали вводить должность переводчика, обязанного громко и внятно произносить на арабском языке появляющиеся на экране пояснительные надписи. Как правило, переводчик располагался вблизи экрана и «озвучивал» диалоги экранных персонажей. Но нередко на последних рядах из-за отвлекающего стрекотания кинопроектора зрители ничего не могли расслышать—тогда владельцы кинозалов увеличивали количество «драгоманов» до 3–4 человек и рассаживали их вдоль всего демонстрационного помещения. Хотя подобное нововведение и принесло определенный успех, многие европейцы и знавшие и понимавшие иностранные языки арабы переставали ходить в кино, не желая лишаться удовольствия непосредственного восприятия фильмов. К тому же и качество перевода зачастую оставляло желать много лучшего. В конце концов, компромиссное решение было найдено: титры на арабском литературном языке стали печатать сначала на отдельном боковом экране, а в дальнейшем—на пленке самого оригинала.

Как и в других странах, с целью привлечь в кинотеатры как можно больше публики кинопрокатчики ввели дифференцированную плату за входные билеты. Нумерация сидений покончила и с суетой по «овладению» лучшими местами. В отличие от театров, посадочные места в синематографах в первых рядах стоили дешевле, а в последних—дороже. Самые же высокие цены устанавливались для тех, кто предпочитал смотреть фильмы с особым комфортом в отдельной ложе. В 1908 г. стоимость одного посадочного места в ложе равнялась 40 пиастрам (киршам), в партере она составля-

ла 7 пиастров, а в первых его рядах—4. Для детей делались скидки: билеты для них обходились родителям в 2–4 пиастра. Своим постоянным зрителям владельцы кинотеатров начали предлагать за 24 пиастра действительные в течение месяца просмотровые абонементы и в придачу—курьезное, с сегодняшней точки зрения, вознаграждение: право шесть раз бесплатно сняться в специальной фотографической студии⁹.

Реклама кино уже тогда отличалась выдумкой и относительным разнообразием. Информация о кинопремьерах публиковалась на страницах египетских газет и журналов. Разрисованные яркие афиши и плакаты устанавливали на повозках и возили по городским улицам. Как правило, в повозке находилась группа музыкантов, которые под удары барабана громко играли на музыкальных инструментах. Проехав определенное расстояние, арба останавливалась, и мужчина—обычно обладатель хорошо поставленного громкого голоса—объявлял название кинофильма и «живописно» рассказывал прохожим о наиболее волнующих и важных его эпизодах.

В канун Первой мировой войны в репертуаре просмотровых залов Александрии, Каира и других городов появился французский информационный «Киножурнал Пате», демонстрировавшийся, как и в Европе, перед показом игровых фильмов. Хотя зрители ходили в кино для просмотра, в первую очередь, постановочных картин, тем не менее, бывали случаи, когда максимальная посещаемость залов достигалась за счет показа в кинохронике интересовавших египтян явлений политического характера. В частности, большой интерес у арабской зрительской аудитории вызвал специально доставленный в Египет номер «Киножурнала Пате» о событиях младотурецкой революции 1908–1909 гг., перипетиях отстранения от власти султана Абдул-Хамида и последовавшего вступления на османский престол нового монарха Мехмеда V. Массовый наплыв зрителей-арабов вызвал и короткометражный хроникальный фильм о похоронах умершего в 1908 г. в возрасте 34 лет основателя партии «Ватан», видного политического деятеля, талантливого оратора и публициста Мустафы Камиля, боровшегося за освобождение Египта от британской оккупации и его широкую автономию в рамках Османской империи.

Не было ничего странного в том, что первыми кинооператорами в Египте становились представители иностранных землячеств. По сравнению с египтянами-арабами они располагали гораздо более благоприятными возможностями заняться кинематографом практически. Ко времени появления кино на территории Египта они прошли школу профессиональных фотографов, умели обращаться со съемочной техникой и аппаратурой, к тому же им не составляло особого труда устанавливать контакты и деловые связи с господствовавшими тогда в кинематографической жизни Египта европейцами. Первопроходцами оказались упоминавшиеся выше итальянцы Альвизи Орфанелли и Умберто Дорес. Натурализовавшимся в Египте выходцам из Европы в 1909–1911 гг. удалось снять и показать хроникально-документальные короткометражные фильмы «Стадион Каср ан-Нил в Гизе», «Возвращение хедива из Мекки», «Соревнование в районе Мина-Хауса», «Отправка махмала из Египта» и другие¹⁰. Но организационных, финансовых и художественных возможностей, позволявших приступать к систематическому созданию игровых фильмов, ни они, ни тем более арабы-египтяне не имели. Потребно-

сти в экранном зрелище удовлетворялись исключительно за счет импорта кинолент, создававшихся иностранными компаниями.

В начале 1910-х гг. наряду с французскими и итальянскими в кинопрокат Египта стали проникать фильмы американского и датского производства. Между зарубежными кинопроизводителями усилилась борьба за местного кинозрителя, приобретавшая порой достаточно неожиданные формы. Для привлечения дополнительного контингента зрителей в кинотеатрах, принадлежавших иностранцам, начали проводиться денежные лотереи. С целью придать респектабельность и престижность новым кинотеатрам на церемонии их открытия приглашались представители иностранного дипломатического корпуса и элиты египетского общества, при этом организовывались выступления духовых оркестров, в небо запускали стаи голубей, на западный манер гостям предлагали бокалы с шампанским. В центральных газетах появились специальные информационные колонки, где помещались заказные публикации, в радужных тонах рассказывавшие о том, какие замечательные и превосходные фильмы будут демонстрироваться в тех или иных кинозалах. В силу возросшего притока зарубежной экранной продукции, желая опередить конкурентов, арендаторы фильмокопий в контролировавшихся ими «электротеатрах» меняли кинопрограммы по два, а иногда и по три раза в неделю.

Действительно, в отличие от кризисного периода начала 1900-х гг., теперь «кинематографическое меню» стало несравненно разнообразнее. Однако неуклонно возраставший наплыв зарубежной экранной продукции имел специфические особенности: наряду с новаторскими и интересными в идейно-художественном отношении игровыми лентами—такими как, например, «Убийство герцога Гиза» французской фирмы «Фильм д'Ар», показ которой сопровождала музыка Камиля Сен-Санса, и где снялись ведущие актеры театра «Комеди Франсез», а также разноплановыми по жанрово-тематическому содержанию, запоминающимися картинами с участием выдающихся мастеров немого кино: Сары Бернар, Асты Нильсен и Макса Линдера—в кинопрокат начали проникать бульварные кинопостановки фривольного содержания, камуфлировавшиеся в каталогах западных компаний под определением «фильмы гривуазных сцен пикантного характера».

То, что ситуация в кинопрокате на территории Египта стала разворачиваться именно в таком направлении, объясняло следующее обстоятельство: во Франции, Италии, а затем и в Дании выпуск подобного рода продукции возник и получил развитие едва ли не с самых первых «кинематографических» лет. В просмотровых залах Европы, вопреки официальным запретам, преследованиям со стороны исполнительных властей и проклятиям в периодической печати, экранная «клубничка», тем не менее, относительно свободно демонстрировалась на вечерних киносеансах под прикрытием ограничительного товарного знака: «только для взрослых».

В Египте—стране традиционного распространения ислама, где система семейных отношений существенно отличалась от европейской, где в процессе исторического развития укоренились иные нравственные критерии и господствовали гораздо более строгие пуританские установки, ситуация аналогичным образом, конечно, развиваться не могла. Тогдашние за-

падноевропейские фильмы «нескромного содержания», кажущиеся сейчас безобидными и наивными, трактовались в мусульманском ареале, особенно по критериям начала XX века, как недопустимые и откровенно «порнографические». У египетских властей, равно как и у подавляющего большинства местной зрительской аудитории, они вызывали несравненно больше тревоги и возмущения, нежели в странах «цивилизованного Запада».

С целью пресечь отчетливо наметившуюся тенденцию превращения городских просмотровых залов в легальные «кинематографические притоны» проблемами кинопроката закономерно заинтересовалась хедивская цензура. Впервые «гром грянул» в мае 1911 г., когда губернатор Каира, чтобы отвратить зрительскую аудиторию от возможного повторения в реальной жизни увиденных на экране аморальных поступков и иных преступных деяний, издал циркуляр, согласно которому в кинотеатрах запрещалась демонстрация «чрезмерно натуралистических фильмов»¹¹. При кажущейся, на первый взгляд, расплывчатости принятой властями формулировки последняя, тем не менее, предоставляла широкий простор для корректировки и жесткого регламентирования репертуара, применения репрессивных мер против распространителей экранной продукции так называемого парижского жанра. Что касается должностной ответственности за проведение в жизнь данного постановления, то она возлагалась на маамуров (начальников городских округов), обязанных тщательным образом отслеживать и контролировать функционирующий репертуар просмотровых залов и в случае устройства в них «порнографических киносеансов» ставить в известность аппарат каирского губернатора.

Спустя два месяца с аналогичным распоряжением, но уже на более высоком, правительственном уровне, выступил министр внутренних дел Египта. В его приказе от 17 июля 1911 г. отмечалось: «Не разрешается демонстрировать изображения, актерские перевоплощения, а также встречи и свидания, которые вступают в противоречие с общественным порядком и нравственностью. Полиции дается право на практике осуществлять надлежащие запретительные мероприятия и закрывать театры в случае необходимости»¹². Параллельно в министерском распоряжении содержалось знаменательное указание на то, что функциями полномочных цензоров «кинематографических зрелищ» наделялись не рядовые, а исключительно офицерские чины полиции. Вмешательство официальной хедивской цензуры в проблемы местного кинопроката и кинопоказа свидетельствовало о стремительно возросшей роли и значимости кинематографа в общественной жизни Египта—за какие-то пятнадцать лет с момента первых публичных сеансов «движущихся фотографий» осени 1896 г.

Конечно, в контексте происходивших в стране процессов обновления передовая часть египетского общества рассматривала потенциальные возможности кинематографического предприятия не однозначно, а в комплексе и разносторонне. Научная, педагогическая и художественная интеллигенция Египта справедливо интерпретировала кино не только как популярный способ проведения горожанами свободного времени, но и как эффективное средство нравственного воспитания и повышения образовательного уровня национальной зрительской аудитории. Подтверждением тому служат публиковавшиеся в возраставшем количестве в арабоязычной печати

требования о целесообразности заимствовать накопленный в Западной Европе позитивный опыт использования киноэкрана при обучении студентов различных высших учебных заведений, особенно медицинских, а также в деле профессиональной переподготовки специалистов в различных областях научно-исследовательской и практической деятельности.

В издании «Египетская киноиндустрия», выпущенном на английском языке в 1977 г. в Каире Министерством культуры Арабской Республики Египет, содержится примечательная информация: в ряду показанных в тот период постановочных немых кинокартин особенно многочисленные одобрительные отклики вызвали западные короткометражные игровые ленты «Возвращение отца» и «Расточительный сын». Первая рассказывала об утратившем человеческий облик алкоголике и отражала беды и страдания детей от порочного пьянства родителя, вторая—обличала бездумное растранивание денег утратившим жизненные ориентиры растленным молодым отпрыском богатой фамилии. По мнению египетских авторов, обе они пользовались заслуженным успехом, прежде всего, благодаря своему полезному нравственно-воспитательному послыу¹³.

В начале 1910-х гг. интерес к завоевавшему зрительскую популярность экранному аттракциону оживился и среди ведущих представителей национальной литературы и театра. Помимо всего прочего они выступали за то, чтобы вынести демонстрацию фильмов за пределы кинотеатров, кабаре, гостиниц и казино и начать организовывать более широкие публичные кинопросмотры также и на открытом воздухе. В условиях южного сухого египетского климата подобные идеи были вполне оправданы. Одним из свидетельств таких настроений служит, в частности, напечатанная в газете «Аль-Ахрам» 3 декабря 1912 г. статья под броским и привлекательным заголовком: «Добрый обычай». В ней рассказывается о том, что в программу многолюдного свадебного торжества в саду служившего при дворе хедива Аббаса II Хильми популярного египетского поэта и драматурга Ахмеда Шауки владетель кинозала «Синематограф Балас» Жорж Мутран, брат другого выдающегося арабского поэта и театрального деятеля Халила Мутрана, включил показ нескольких игровых кинофильмов. Этот новаторский почин, как отметила одна из наиболее влиятельных общенациональных газет, всем без исключения гостям «доставил массу радости»¹⁴.

Через пятнадцать лет после премьерного показа «движущихся картинок» в Александрии в начале 1912 г. в Египте насчитывался 21 постоянно действующий кинотеатр. Территориально они распределялись следующим образом: в Каире их было 8, в Александрии—6 и по одному в Порт-Саиде, Асьюте, Исаилии, Танте, Мансуре, Бенхе и Заказике. По утверждению египетского кинокритика доктора Абдель Мунейм Саада, возглавлявшего в 1970–1980-е гг. каирский журнал «Кино и люди» («Ас-Синима ва-н-нас»), лишь в Асьюте и Порт-Саиде просмотревыми залами владели коренные египтяне—Тадрус Маккар и Мухаммед Усман. Остальные же находились в собственности натурализованных иностранцев и действовавших в Египте различных акционерных компаний. Задача предпринимателей сводилась, в конечном счете, к получению максимальной финансовой прибыли самыми разными, порой неожиданными способами. Любопытен, к примеру, относящийся к периоду не-

мого кинематографа такой примечательный факт. Специализировавшаяся на производстве шоколадных изделий компания «Рулан ли-ш-шукулата» и выпускавшая сигареты «Матусьян ли-д-духхан», дабы активизировать потребительский спрос на основную свою продукцию, снижали в контролирувавшихся ими демонстрационных залах стоимость входных билетов, если кинозрители при их покупке доставали деньги около кассы из шоколадной обертки или коробки сигарет, выпускавшихся выше названными компаниями¹⁵.

Говоря о появившихся новшествах и экспериментах в области кинопроката и кинопоказа, стоит упомянуть, очевидно, следующее. После того как в 1910-е гг. на египетский рынок начали систематически поставляться полнометражные постановочные фильмы западного производства, отдельные владельцы кинотеатров принялись показывать их не целиком и полностью, а в виде «сериалов» — не на одном, а на двух, иногда даже трех сеансах. Делалось это, в первую очередь, для того, чтобы кинозрители, уже видевшие пролог той или иной «большой» игровой картины, обязательно приходили в тот же самый просмотровый зал досмотреть ее до конца. Что касается изменений объема печатных публикаций, информировавших египтян о постоянно обновлявшемся прокатном репертуаре, то накануне Первой мировой войны он уже не ограничивался, как раньше, несколькими строками «пунктирного», рекламно-описательного характера, а занимал в периодических изданиях временами до половины газетной или журнальной полосы.

Серьезные трансформации в общеисторическом развитии Египта, который почти четыре века (с 1517 г.) являлся частью Османской империи и был тесным образом связан с ней религиозно, политически и социокультурно, инициировала Первая мировая война. Свои значительные коррективы она внесла и в тенденции развития в стране кинематографического процесса.

1. *Ахмед аль-Хадари*. Тарих ас-синима фи миср. Аль-Джуз аль-аввал. Каир, 1989 (на араб. яз.). С. 16–18.

2. Там же. С. 24.

3. Там же. С. 31.

4. Там же.

5. «Аль-Кавакиб». Киссат ас-синима фи миср. Каир, 1960. № 448 (на араб. яз.). С. 57.

6. *Ахмед аль-Хадари*. Цит. соч. С. 57.

7. *Али Абу Шади*. Вакаи ас-синима аль-мисрийя фи-л-карн аль-ишрин. Дамаск, 2004 (на араб. яз.). С. 11.

8. *Ахмед аль-Хадари*. Цит. соч. С. 84.

9. Там же. С. 91.

10. *Али Абу Шади*. Цит. соч. С. 12–13.

11. Там же. С. 13.

12. Там же.

13. The Motion Picture Industry in Egypt. Cairo, 1977. P. 6.

14. *Ахмед аль-Хадари*. Цит. соч. С. 119.

15. *Абдель Мунейм Саад*. Хамсун амм мин ас-синима аль-мисрийя. Каир, 1977 (на араб. яз.). С. 13.